

Анна Лина

*Девушка, не
любящая
солнце*

Анна Линина

Девушка, не любящая солнце

«Издательские решения»

Линина А.

Девушка, не любящая солнце / А. Линина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855670-8

В доме Вероники творится что-то неладное. Нечто потустороннее начинает её преследовать. Есть ли это игра её воображения, или её мысли, её боль влияют на происходящее? Что это? И возможно ли простить злейшего врага? «Девушка, не любящая солнце» затрагивает не только тему паранормального, но и вечные вопросы добра и зла, прощения, морали. Является попыткой смешения мистического триллера и психологической драмы, не оставляющей в стороне трагедию человека.

ISBN 978-5-44-855670-8

© Линина А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Девушка, не любящая солнце

Анна Линаина

*«Жизнь – то есть все и вся – это милость Божия, любовь Божия,
кротость Его и смирение. Это всё для нас, ради нас»
Иеромонах Василий Росляков*

© Анна Линаина, 2017

ISBN 978-5-4485-5670-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Привидение

Сосуд, что долго полнится, рано или поздно выльет из себя всё, что когда-то вмещал. Всё, казалось, началось в обычный день. Но это было не так.

Оранжевый луч скользнул по её подушке. Вероника открыла глаза. Хотелось плотнее задёрнуть тяжёлые шторы, спадающие на пол, чтобы непрощеный свет не проникал в ещё тёмную комнату. Хотя она понимала, что спальня рано или поздно заполнится светом, какой бы давящий мрак ни застывал внутри.

И она ничего не могла поделать с этим. Солнечный луч всегда будет оттенять боль, которая никуда не уйдёт.

Вероника резко отбросила одеяло и встала с кровати. Солнце разгоралось всё ярче, всё ясней, светлей. А темнота внутри неё не менялась, она была неумолимой и неподвижной. Как будто чёрный купол, накрывающий всё её существо. И ни лето, ни воздушные эклеры у ларька возле подземного перехода, ни влажная зелень нескошенной травы не могли ни заглушить, ни умалить страдания.

Всё как всегда.

Через пять минут кухня наполнилась свежим ароматом кофе. Вероника вдохнула его не спеша, медленно. Не потому даже, что она была умной девушкой и понимала, что это и есть сама жизнь, – а потому, что, несмотря на то, что Ника не любила солнечный свет, она просто тянулась ко всему тёплому и приятному. Ей всё равно хотелось жить.

Красивая девушка, ставшая затворницей, закрывающая себя от мира в тёмной клетушке-комнате, как в остроге. Девушка с руками и ногами, без внешнего уродства, с виду совершенно обыкновенная, каких тысячи. Девушка, не любящая солнце. Вечно скрытая тёмными шторами или (на улице) толстым невзрачным капюшоном, прячущим и пышные, вьющиеся колечками, тяжёлые русые волосы, пробивающиеся из-под грубой серой ткани. Вероника. Отшельница, не принявшая солнечный свет.

Она взяла со столешницы чашку с чёрным кофе и поставила на стол.

Ни берёзовые ветви, стучащиеся в стекло, ни красневшие облака, залитые лучами, ни асфальт под окном, привычно исписанный цветными мелками, не будили в ней и сегодня ничего: и в этот день всё было привычно и обыденно, как и прогулка с французским бульдогом Марком.

Всё, кроме взлетевшего неожиданно на высоту в человеческий рост деревянного стула, грузно упавшего возле открытой двери в спальню.

Грохот мгновенно заставил девушку встрепетаться и поверить в произошедшее. Вероника резко отскочила к окну, совершенно не зная, что делать. Девушка, всегда закрывающаяся от солнца, стремительно выбежала на освещённую ярким светом улицу, уронив со стола фарфоровую чашку и расплескав кофе на пол.

Тогда это случилось в первый раз.

Не чувствуя старых лестничных ступеней, Вероника неслась прочь. Она и не заметила, как добежала до поворота, и резко остановилась, как будто её осенила мысль. Девушка вспомнила, как стремительно схватила в панике ключи, но так и не заперла дверь. Сердце колотилось в груди, пульс стучал бешено, но логика и здравый смысл начали брать верх. Здесь, стоя на пустой дороге, под вязами, где всё тепло и обыкновенно, Вероника пришла в себя. Она вдруг подумала, что и незнакомое, грозное, необъяснимое – всё же не самое страшое. Тайное никогда не станет таким кошмарным, как очевидное, жестокое, несущее боль; как сам чёрт, хранившее в себе откровенное, ни в чём не прячущееся зло. Зло, которое исходит от человека.

В голове у Вероники пронеслось, что летающий стул всё равно не сможет напугать её так, как это было десять лет назад. Как люди. Да и является ли ужас сильным злом? Она тщательно перебирала свои мысли, – с живой надеждой, – но внутри неё скользкой глыбой застывал страх. Но что всего страшней? Может, всего страшней боль?.. Душевная боль?

Она сжала рукой в кармане острые края ключа. Ничему не испугать её! Она должна вернуться домой и хотя бы закрыть квартиру. Было бы глупо лишаться мебели и денег из-за того, во что она и не могла поверить. Так было бы логично. Вероника любила логику. Всё должно быть правильно и логично.

Её давний кошмар, скорее всего, не вернётся. Она и не знала, что ей придётся снова вспомнить его не раз.

Повинуясь требованиям своей внутренней логики, Вероника резко свернула с аллеи к дому, всё сильнее сжимая в руке ключ и прижимая к себе Марка. Внутри, как лава, растекался страх. Кипящий и одновременно приглушённый. Ей предстоит столкнуться с чем-то необъяснимым и неизбежным.

Вероника не боялась привидений. До сегодняшнего дня она в них не верила. Поднимаясь по лестнице, тянущейся вдоль страшных обшарпанных стен, никогда не знавших ремонта, так не похожих на её маленький ухоженный уют, она снова ощутила испуг, жирным ужом медленно обвивающийся у горла. Именно там, в этом уюте, а не в этой прогорклой лестничной площадке, теперь таилось что-то зловещее.

Вероника ошеломлённо покачала головой. Этого не может быть! Она всегда, несмотря на всё своё стремление к логике и рациональности, была очень ранимой и чувствительной.

Если Бог есть, он хотя бы сейчас должен помочь ей.

Сердце стучало, словно барабан, когда девушка повернула ручку двери. Марк прижимался к хозяйке, но ничего не понимал. Скорее его беспокоило её состояние, что тоже было странно.

Прежде, чем распахнуть дверь, она стала чутко слушать тишину, пытаясь уловить каждый шорох, каждое малейшее движение, казалось, девушка пыталась услышать даже перемещение воздуха. Но слышала только как кровь мучительно стучала в висках.

– Марк, милый... – еле слышно прошептала Ника, наклоняя к собачьему лбу испуганные серые глаза. И вздрогнула, как от грохота. Голос её в подъезде прозвучал неожиданно громко, и ещё более громким показалось раскатистое эхо, следовавшее за ним. А может, ей всего лишь так казалось.

«Надо побыстрее открыть дверь, убедиться, что всё кончено, и забыть всё это, как страшный сон,» – пронеслось в голове у Вероники, но вместо того, чтобы толкнуть дверь, она тихо двигала её, добела сжимая пальцы, так, что суставы начали болеть.

Таким странным был внимательный и осторожный осмотр собственной квартиры, своей прихожей, словно она сама зашла в дом к преступнику.

Вероника дотошно вглядывалась в самые дальние уголки квартиры, заметные из коридора. Девушка всматривалась и вслушивалась, задерживая дыхание.

Казалось, всё было так же, как и когда она убежала. Ровно стоящие чёрные туфли, разноцветный половичок, из которого кот выдёргивал нитки, закрытый плотно шкаф, напольная ваза с цветами... И тишина. Ника бросила взгляд в сторону спальни, пытаясь увидеть там очертания лежащего стула. Его не было. Как будто ничего и не произошло.

Только стул действительно лежал, но уже на полу кухни. Значит, движение повторялось?.. Или, может, она и сшибла его, убегая? Но нет! Она же не сумасшедшая!

Вероника не стала пить успокоительное, не побежала к соседям, не позвонила единственной подруге, чтобы попросить её приехать. Что бы это ни было... одно она знала точно. **ВСЁ САМОЕ СТРАШНОЕ ЗЛО ИСХОДИТ ОТ ЧЕЛОВЕКА.** Только от человека. Например,

если бы ей предложили работать в морге, она бы согласилась. Она ведь знала, что надо бояться живых.

Или она всё же начала сходить с ума?

Девушка достала из кухонного шкафа большую бутылку со святой водой. На какое-то время всё стало хорошо.

«Ничего не бойся, Ника...» – опять в голове привычно звучал низкий и нежный голос отца. «Ничего не бойся, Ника...» Когда-то, когда ей было семь лет, отец брал её с собой на рыбалку, хоть мачеха и не одобряла этого. Они садились на берегу озера, окутанного туманом, словно разлитым свежим молоком, и молчали. Она любила эту тишину. Но однажды ей показалось, что рыба заглотила её наживку, и от радости она начала кричать и прыгать, так ей хотелось, как и отец, поймать рыбу. И она споткнулась и упала, а волны стали накрывать её. Эти секунды длились тогда как час. Вода всё большей стеной возвышалась над ней, не давая подняться, руку свело от холода, и ей оставалось только беспомощно барахтаться и смотреть на бледное пятно, которым казалось солнце под голубой толщей воды. Отец, конечно, вытащил дочь, но её испуг был настолько сильным, что с тех пор она начала заикаться. «Ничего не бойся, Ника...» – всегда повторял он, глядя её по густым прядкам. Маленькая она была очень тощей, и, казалось, кроме этих круглых локонов, похожих на козью шерсть, почти ничего не лежало на его коленях. Мать Вероники умерла, когда ей ещё не было и года. Всю заботу о девочке взял на себя отец, иногда его мать забирала Нику к себе на лето, в деревню. Но большее, что она помнила из детства, это было «Ничего не бойся, Ника...»

Прошло несколько дней, и она даже отвлеклась от всего этого, потому что у сына её лучшей подруги, Кирилла, был день рождения. Девушка купила мальчику игрушечного зайца, торт с кремом и шесть разноцветных свечей на его шестой день рождения. Всё она запаковала в коробку, повязала широкой синей лентой и повезла в соседний город, в котором жила раньше.

Город встретил её родным, необъятно синим небом. Был уже вечер, и в стёклах витрин убаюкивающе светились ночные огни, успокаивая, и зажигая какую-то непонятную надежду в сердце. Вероника совсем забылась, как в детстве.

Вот и сейчас она как будто ждала чего-то, хотя знала, что неприметный полумрак только затянется чёрной свежей мглой, а погасшие витрины в полночь сменят унылые фонари. И чуда не произойдёт, но в покое мрака и безмолвия тоже что-то будет. То, что в пустоте нет боли, а в тишине воплей обиженных, несчастных, больных, – делает их наполненными чем-то, и даже немного чудесными, почти блаженными, почти божественными.

Но в кресле гостиной, разнежившись от тишины, девушка неожиданно заснула, и ей приснился сон. Она увидела длинные когти, сурово тянущиеся к ней из темноты, острые, закруглённые, как искривлённые мечи – принадлежащие чему-то жуткому, неизвестному, дикому. Как будто животному. Они медленно тянулись к ней, окутанные сажей мрака, готовые растерзать, казалось, разорвать на мелкие части, из гнетущей, грозной темноты. Из непреодолимой, глухой, яркой тьмы. Пустота вокруг неё была уже не блаженной, а яростной.

Ото сна Веронику разбудил весёлый детский крик. Шестилетний Кирилл и его старшая сестра, семилетняя рыжеволосая Лена носились по дому, кричали, и то упоительно смеялись, то ругались друг с другом.

Вероника сделала из бумаги большого белого голубя. Кирилл был в восторге. Лены в это время рядом не было, но потом, прибежав из кухни, она, видимо, позавидовала брату, и порвала его. Он сжал зубы и убежал в свою комнату. Слезы водопадом хлынули у него из глаз.

Вероника пошла за ним, чтобы утешить.

– Я её ненавижу, – просто и спокойно процедил он, поразительно сдерживая горечь. Он был просто ребёнок, несмотря на всю свою выдержку.

– Ты ненавидишь свою сестру, Киря?.. Как же так! – с досадой произнесла Вероника, качая головой. – Она должна быть тебе дороже голубя.

Тут Кирилл не выдержал, и щёки его вспыхнули от гнева.

– Но она это сделала специально, специально! – взревел он. – Она специально!..

Вероника вздохнула и погладила его по прямым волосам. Она любила сына своей единственной подруги. Он всегда казался ей хорошим.

– Ты должен простить её.

– Ничего я не должен! – не успокаивался малыш. – Почему это?!

– Если не простишь, обида тяжёлым грузом будет лежать у тебя на сердце, – спокойно сказала Вероника. Он на минуту задумался, глаза его чуть просветлели, но всё равно печаль взяла верх.

– Ты уже ничего не сможешь с этим поделать, – продолжала Ника. – Прости её, Кирилл. Прости.

– Не буду! – обида была ещё свежа. Мальчик отвернулся от Вероники и с головой накрылся одеялом. – Не буду!..

– Тогда просто подумай об этом. И ты поймёшь, что я права. Обида всегда тяжела. – Вероника ушла с этими словами, и эти слова запали и в её сердце. Она тоже простить не могла. Казалось, легче сдаться этим когтистым рукам, как будто лапам самой печали, чем простить. И то это было бы для неё легче, намного легче.

Ложась спать, она начинала страшиться этого сна. Но вместо его повторения у неё началась бессонница, лишь подогревая волнение.

У Вероники был хороший молодой человек. Девушка крепко задумалась, откинувшись на спинку кресла-качалки. Рассказывать ли ему о том, что с ней произошло? От этой мучительной мысли, которой она вконец изнурила себя, заболела голова, как будто виски и в самом деле сжали когтистые лапы. Поверит ли он ей?.. Но зачем же это от него скрывать, ведь это случилось с ней?

А если он сочтёт её сумасшедшей?

Ему она доверяла настолько, что решилась сказать о том, что произошло. Ей никогда всерьёз не нравились эгоисты. Быть может, потому, что плохого в её жизни было и так много.

– Да ладно, тебе показалось... – Серёжа сначала резко поднял вверх брови, а затем наморщил лоб. Он не был внешне привлекательным, но в его чертах не было и ничего отталкивающего; полное, слегка румяное лицо, русые волосы. Больше всего в нём ей нравились его тёмные блестящие глаза.

Он и сам понял, что сказал глупость. Показать, что стул взлетел, не могло. Могло присниться, могло прийти на ум сумасшедшему, могло быть придуманным; но показать не могло. Это ведь не пятая ножка. Ему стоило невероятных трудов опустить свои брови.

– Ты мне не веришь. – Она привычно спрятала свою досаду за почти шуточный тон, как будто его сомнение было для неё не очень значимо. Но проблема её казалась серьёзной. Хотя бы потому, что по утрам на руках она стала находить синяки. Большие, синие, с кровоподтёками, взявшиеся словно из ниоткуда.

– Ника. Может быть, тебе приснилось, – тихо сказал он, сжимая её руки. – Это ведь было утром? Страшные сны чаще снятся утром.

Долго сдерживать эмоции, как Кирилл, она больше не могла. У неё вдруг промелькнуло перед глазами всё: и школьный коридор, и подкашивающиеся ноги, и затем она, безвольно лежащая на сырой земле, и беспомощность, и насквозь пронзающая боль, и её слабые руки, в которые впивалась колючая проволока. Усмешка и радость обидчика, что ядовиты так же, как и его кулаки. Торжество врага, равнодушные люди. Всё стремительно пробежало перед ней и тут же утонуло в чёрной пелене отвергнутой ею, безжалостной памяти.

И как они запирали её одну в подвале и держали там до целого вечера. Всё, что они делали с ней. Долгие годы унижения и отрешения. Живое сердце, не желающее быть отверженным. ...И подушка, каждый день хранящая отпечатки её зубов. Непрекращающуюся никогда

душевную боль. Обжигающие кожу щёк слёзы изгиба. Боль, что длилась так много лет, которую приходилось пить снова и снова, – из обиды, горечи, сумасшедшего отчаяния, отрицания, отречения. Чёрная отравка, когда оставалось лишь скрежетать зубами. Просто потому, что была жива не только она, но и память. Память, что была слишком сильна: кипящее, чёрное бурлящее зелье.

Ядовитая, заполняющая всё существо, как цианид, она снова стала накрывать её маленькое хрупкое тело, и Ника почувствовала дурноту.

Она резко вскочила, когда из глаз её брызнули слёзы, а сердце готово было разорваться от негодования, – сама швырнула стул к спальне и закричала в потолок:

– Выходи! Я не боюсь тебя! Я не боюсь ТЕБЯ!

Серёжа вскочил, подхватил её и прижал к себе.

– Успокойся! Вероника! Ш-ш-ш-ш-ш...

Сколько раз её спасали его нежные руки. Когда ей действительно было плохо. Но сейчас он ничем не мог помочь.

И вообще, в принципе, иногда при всём возможном сочувствии, другой человек помочь не может.

Он не верил ей. Она снова осталась одна, как и тогда.

Да и память, казалось, уже вынесла ей свой приговор.

Ночью всё повторилось, усилившись во много раз. Она проснулась в глубокой темноте, и повернула голову в ожидании увидеть светящиеся зелёные цифры электронных часов. Их не было.

«Должно быть, опять отключили свет», – пронеслось в голове у Вероники. Чёрный мрак окутывал комнату. Она села на постели, пытаясь нащупать стопами ковёр. Но ноги её чувствовали только воздух. Очертания предметов, мебели, пространства, что стали чуть проявляться, когда глаза привыкли к ночи, тоже слегка изменились. Тьма была тяжёлой и густой. И тут до неё дошло: ковра под ногами и не было. Она висела в воздухе! Её кровать висела в воздухе.

Темнота была такую же, как и в том сне: чёрной и грозной.

– Прекр-рати! – закричала она больным, хриплым голосом, цепляясь пальцами за простынь, как будто та могла удержать её. Заикание, которым она страдала в детстве, вернулось. Но голос её был решительным, не терпящим возражений. Она не знала, к кому обращалась. – Пр-рекр-рати!

Ничего не менялось. И, хотя она и помнила, что всё самое страшное зло дело рук человека, сейчас это не помогало. Было что-то гнетущее и горькое. Всю комнату заливала чёрная вязь, чёрная как липкая, берёзовая смола.

– Что т-тебе н-нужно?!

Тишина была полной, часы с кукушкой в коридоре тоже не били. Как будто время остановилось. Вероника сжалась, изо всех сил сжимая кулаки, до такой степени, что ногти стали впиваться в кожу. Хотя сказать того, что она никогда раньше не испытывала ничего подобного, было нельзя. Неожиданно для себя Ника подумала, что то, что сейчас она чувствует, всё же лучше, чем то, что чувствовала, когда была ребёнком, долгими ночами, кусая зубами подушку и задыхаясь от горячих слёз. Страх не может быть таким удушливым.

Иногда он вынуждает собрать всю свою волю в кулак, чтобы действовать. Душевная боль, наоборот, парализует. Делает беспомощным.

– Что т-тебе нуж-жно? От-т м-мен-ня?!

Тишина была всё такой же полной, необъятной. Как когда-то её боль.

В этой тишине билось только её сердце. Внезапно она увидела дымку, расплзающуюся по комнате. Это было похоже на погружение в какую-то параллельную реальность, существующую рядом и отдельно от привычного мира. Тут уже её, беззащитную, пробил холодный пот,

руки задрожали, а может быть, и вся она. «От-тп-п-пусти м-меня... – сорвался у неё с губ еле слышный шёпот. – Отп-п-пусти...» Холод пробежал по спине. Люстра в форме закрытых бутонов начала мигать, то загораясь, то снова погружая во тьму, оставляя лишь светлый след, окружающий извивы стеклянных стеблей.

Расползание остановилось. Но ничего не перестало. Бледное пятно обрело форму и цвет, в конце концов, в темноте возникла насыщенно-белая полоса, что образовалась из облаков пара, и стала похожей на... чешую. Она просто смотрела на чудовище и больше ничего не могла сделать. Это нечто сжималось, становилось всё более длинным, и, наконец, стало извиваться, как волны, напоминая сначала узор причудливой готической ограды, а затем змею, сотканную из неясного света и множества колец густого белого дыма.

Люстра в форме закрывшихся стеклянных цветов погасла совсем, позволив темноте окутать предметы обстановки.

Но видение не исчезало. Чудовище, что парило в воздухе, не вполне было змеей, за счёт странной формы многочисленных чешуек, – на его голове стали заметны малые чёрные точки, как будто провалившиеся глаза. Узкие, зловещие, как длинные туннели. Сама же голова его напоминала львиную. Всё было так явственно нарисовано мельчайшими кольцами дыма, но шевелилось, перемещалось и выглядело живым. Привидение было чудищем, похожим на дракона без крыльев и лап, из снежного пара и дыма.

Люстра вспыхнула и погасла снова. Слезы хлынули из глаз Вероники. Закричала она лишь тогда, когда зловещее существо начало надвигаться на неё, ползя по воздуху и оставляя позади себя оранжевый, клокочущий отсвет. Казалось, сейчас всё опалится огнём.

Чудовище открыло пасть, и оттуда высунулись два тонких и длинных, извивающихся языка. На минуту ей показалось, что этому существу как будто нужны были её боль и её слёзы. И оно как будто подсознательно навевало ей горечь, словно питая себя её страданием. Влекомая неведомым притяжением, она не могла оторвать от него глаз. Львиная голова его была такой же злой, жуткой и мучительной, как лезвие боли, саднившее в груди, что ей нанесли люди. Как и её ярость, отчаяние, безысходность, которые в юности подстрекали в груди смерчи гнева и обиды. Только его нельзя было победить, заново собирая себя из осколков.

Свечение было и печальным, и грозным, казалось, заставляя девушку вспоминать всё самое мучительное и плохое. Казалось, оно само несло в себе что-то гипнотическое, сводящее с ума. Как грозные когтистые лапы, как тьма дремучих лесов. Как будто оно могло вторгаться в подсознание.

Шторы слегка покачивались от ветра, тихо шелестя по полу, что было хорошо слышно в полной тишине. Ника, всё ещё вцепившись в простынь, начала отползать, но кровать по-прежнему висела в воздухе. Спрятаться было некуда. Ни в чём нельзя было укрыться, как и когда-то от людей. Как и бесконечными ночами – от боли, разрывающей сердце, а днями – от насмешек, ухмылок и кулаков.

Люди в её жизни были страшнее. Намного страшнее любых чудовищ.

Наверно, и поэтому в роковую минуту Ника стала вспоминать о них. А может, это была защита. Раз она преодолела своё прошлое, то теперь, ей казалось, сможет преодолеть и это.

Жуткая змея всё ещё надвигалась на неё, осветляя ночь. И хотя она была перепугана, последняя мысль, что она помнила, звучала как вызов: «Что ты?.. Можешь ли ты быть страшнее того, что было?..»

...Больше она ничего не помнила. Ночь прошла, и солнце медленно выходило из-за пустого горизонта, светящегося сквозь грязное стекло автобуса. Перед её глазами представляла печальная, странная красота пустырей. Далёкая, степная. Девушка прижимала к груди ласковую морду Марка и мучительно пыталась думать, но и голова была пуста. Только пёс доверчиво и жалостливо смотрел в её колючие серые глаза.

Что-то внутри неё отказывалось принимать факты. Как будто она не могла поверить самой себе.

Барсик не пришёл домой. С тех пор, как в доме взлетел в воздух стул, он так и не появился. Вероника очень надеялась, что её кот, всегда утешавший её, и не придёт домой. И всё же жаль было, если ей больше не увидать его полосатой, как у зебры, мохнатой шубки, в которую можно было нырнуть лицом и забыть на мгновения о своей боли.

Серёжа был для неё практически идеальным человеком. Единственное, он не переносил животных в доме. Съехаться с ним значило бы расстаться и с котом, и с Марком, потому что собак он не терпел вообще. Марка тоже, и пёс отвечал ему взаимностью. Однажды спокойный пёс даже чуть не прокусил ему руку. К тому же, даже если бы всё было наоборот, он жил в общежитии, куда не пускали посторонних, и уехать к Серёже она не могла. Вероника решила пожить у отца, несмотря на свою мачеху. Анжелика Николаевна всегда недолюбливала её. Но сейчас это не имело значения.

Ника долго вглядывалась в ненастные поля. Долгие, пустые, холодные, манящие. Прекрасные. Прекрасные... Этот мир всё равно прекрасен, несмотря ни на что. Она больше не хотела умирать.

Автобус свернул на хорошую дорогу, и трясти перестало. Вокруг уже стали появляться пышные зелёные изгороди, тяжёлые, живые, навешанные на высокие заборы. Это значило, что скоро она приедет в дом мачехи. Отцу пришлось продать их старый дом, когда маленькая Ника сильно заболела. Лечение было успешным, и болезнь вошла в стойкую ремиссию, но долго ещё им приходилось ютиться по тесным комнатушкам, пока отец сумел заработать на нормальное жильё. То самое, от которого сейчас бежала взрослая Вероника. Вероника, всегда прячущаяся за его бетонными стенами. Затворница, нелюдимка, молодая отшельница, которая изо всех сил старалась не покидать их. Его единственная, любимая девочка, которую ему однажды удалось вырвать из лап смерти. Но не удалось вырвать из лап страдания.

Анжелика Николаевна очень гордилась своим домом. Она получила его в наследство от дальнего родственника, а до этого им приходилось жить в тесном и убогом жильё. Теперь она изо всех сил делала вид, что собака девушки ей неприятна. Дом она берегла, казалось, больше, чем берегла бы свою душу. Но Вероника и не ждала от неё ничего хорошего. Отца дома не оказалось, Иван Валерьевич уехал в очередную командировку. Эти дни ей придётся жить с мачехой, думала девушка. Тоже ничего хорошего.

– Мар-рк, – тихо позвала девушка, почему-то закрыв руками рот. Ника любила тишину и сейчас ей особенно хотелось её. А может, она боялась слов, срывающихся у неё с языка.

Она сидела на белой, аккуратно застеленной кровати напротив своего чемодана. Анжелика Николаевна не скупилась на прислугу. Разбирать вещи не хотелось. Вообще ничего не хотелось.

– Марк... – она обняла пса, положившего ей на колени две свои коричневые лапы. – Что т-теперь д-делать?..

Пёс начал лизать ей руки. Она вяло улыбнулась. Дружелюбный взгляд его согревал её. Шершавый, розовый язык мочил её открытые ладони. Он единственный был рядом с ней. Она наклонила голову и тихо поцеловала его в лоб. В её глазах застыло одно слово – «спасибо».

– Как ты можешь лизаться с ним?! – внезапно оборвал её спокойную ласку резкий тон Анжелики Николаевны. Она говорила быстро, суетливо, но всегда категорично и нервно. – Ведь это же зверь!

Девушка посмотрела на неё внимательным, слегка отстранённым взглядом, как будто видела в первый раз.

– Звери приятнее, чем люди, – не выдержала Вероника. На самом деле она так считала не вполне, но сейчас ей стало очень обидно за Марка. От обиды её сердце сжалось.

– Ну конечно, конечно... – с презрительной усмешкой произнесла хозяйка. – Иди ужинать. Можешь потом погулять, когда разберёшь вещи. Места здесь хорошие.

– Я не хочу есть, спасибо, – Ника искренне старалась быть вежливой. – Вещи я вечером разберу. Я правда устала.

Анжелика Николаевна нахмурилась. По лицу девушки было видно, что у неё проблемы.

– Что случилось, Вероника?

Не похоже было, что её трогали проблемы девушки. Но ведь должна же была она спросить. И в этом, в такой ситуации, тоже ведь ничего плохого не было. Лучше хоть видимость, хоть подобие заботы, сочувствия, чем неприветливое показное равнодушие.

Раскрыть свою тайну ей Ника не могла. Даже страшно было представить себе последствия. Скорее всего, мачеха начнёт твердить отцу, чтобы тот снова свозил её к психиатру или ещё хуже.

– Можно, я потом расскажу? – осторожно пролепетала Ника. – Отдохну немного и скажу.

«Только придумаю, что врать», – пронеслось в голове у неё, но этого вслух она не сказала. Нужно было что-то придумывать, ведь нельзя же было сказать сварливой мачехе того, что было.

Прогулка была недолгой, но Вероника совсем забыла просьбу Анжелики Николаевны оставлять туфли непременно перед входом в дом, и разулась, по привычке, на половичке в прихожей. Анжелику Николаевну это вывело из душевного равновесия и случился скандал.

Очень болезненными для девушки были упрёки Анжелики Николаевны, последовавшие за руганью. Женщина кричала, что Ника взрослая девушка, но не умеет жить одна, что не может в свои годы справиться со своими проблемами; что хочет жить в большом богатом доме Анжелики Николаевны, а не в своей тесной каморке; что она нахалка и лгунья, как и вся нынешняя молодёжь, расчётливая настолько, что, по её словам, и аквариумных рыбок не покормит лишний раз, если за это не получит хоть сколько-нибудь денег.

– Ноги моей здесь больше не будет! – Вероника, разозлившись, забрала Марка и уехала на вокзал. Больше и ехать было некуда.

Вероника не могла этого стерпеть. Теперь она стала гордой. Она уже не была бессильной и плачущей размазнёй, забитым посмешищем, сломанным и позволявшим с собой делать что угодно. Она занималась иллюстрациями книг (это и была её любимая работа), и чувствовала болезненные иглы самолюбия, когда издатели порой отказывались брать её работы. Иногда и в зеркале её острый, колкий взгляд пронзительных серых глаз казался надменным, смотрящим на всё как бы свысока. Однако, годы уносили это с собой. Годы шли тихо и размеренно, а малое уносили стремительно, как щепки и осколки мелких камней бурная горная река.

Слёзы катились по лицу Вероники и не останавливались. Тушь, стекая извилистыми чёрными струями, размазывалась по щекам, и люди с любопытством смотрели на неё. Зал ожидания пустел, и только ей было некуда идти. Свет гас, вокруг становилось тихо. Теперь она бездомная. Физическую неприютность дополняли её неприкаянность и одиночество.

Она могла позвонить отцу, но теперь ей не хотелось пугать его. Жизнь под одной крышей с мачехой тоже представлялась ей мучительной и тошной, особенно из-за её, Вероники, глупой ранимости.

Вечер, казалось, был создан самим Богом для того, чего сейчас сделать он никак не мог: успокоить её нервы. Огни дальних поездов, убаюкивающий ветер, пустой голубой горизонт, – всё это было таким милым и очаровательным, романтическим, так не подходящим к сиротству и одиночеству. Огни дальних фонарей, которыми был усеян окружающий воздушный простор, как сияющими звёздами. И в то же время вокзал, кажется, имел ей близкую, родственную душу. Отверженную, усталую, одинокую.

Он тайно хранил в себе то, что было её заветной мечтой – блаженный покой без страха и боли. Здесь люди не обижают и не замечают друг друга. Здесь не может быть ничего посто-

янного, ни огорчений, ни тоски, ни радости, ни мук, – здесь временно всё. Вместе с этим всё это начисто лишено лицемерия, каждый ничем не хочет казаться, ведь вокзал – непостоянное, как миг. Бесприютность и искренность, казалось, хранили особую печать на повисшем над головами блестящем круглом циферблате замерших часов, пятном белеющих в вышине.

Люди теперь не смотрели на неё.

Ночь девушка провела на вокзале. Серёжа, которому наконец удалось до неё дозвониться, настойчиво просил её вернуться домой. Убеждал, что в доме ничего нет. Он не поверил ей.

Сидя на скамейке, Вероника снова вспоминала свою жизнь. Ясность и теплота воздуха снова становились тяжелы для неё. Жизнь всегда даёт дорогу без шипов тому, кто больше не может идти. Но вот сейчас эту вечернюю идиллию изорвёт, рассеет под выбитыми вандалями фонарями чёрная тьма. Всё поглотит. И хорошего вспомнить ей было мало.

С самого детства Вероника немного заикалась, тогда ещё несильно. Но это смущало её, и она начинала краснеть, заикаясь ещё больше. Её ладони потели, а ноги становились мягкими, в глазах вдруг темнело, словно ночью, чужие голоса доносились как будто издалека. Сверстники начали её дразнить и издеваться над ней. И она замкнулась в себе, отстранилась, закрылась. От этого стало только хуже. Жестокость возросла во много раз.

Сначала они приносили из дома булавки и тыкали её ими, смеясь над тем, как искажалось от боли её лицо. Потом, в старших классах, одна из девчонок, этакая заводила, которая была душой компании, даже у мальчишек, избивала её на виду у всех железным прутом. Убежав, они оставили её так лежать, одну на пустыре, недвижимую, уставшую кричать, и истекающую кровью.

После этого она стала отчего-то считаться изгоем в классе вообще. С ней было стыдно разговаривать, ей было неловко помогать, и позором было даже просто проходить мимо неё. Как будто она была заразной и больной. К горлу комком мучительно подступало чувство досады. Как будто она была виновата перед всеми, что жила на свете. Порой, проходя мимо других, она и сама ощущала, как появляется чувство горечи во рту.

Лёгкое заикание оказалось трагедией её жизни. Как будто само её присутствие всегда напоминало сверстникам о том, что жизнь хранит в себе и нечто мерзкое, неприличное, достойное презрения, чего надо было всеми силами избегать. Нике казалось, что это была она, что она отчасти заслуживает этого осуждения своим безвольным, мягким характером. Её характер был размягшим, как овощ, разваренный в кипятке, да и сама она была, пожалуй, похожа на овощ.

Ей было горько от того, что она существовала.

Казалось, все люди на земле сторонились её, как будто она была больна проказой.

Но сломать её им было мало. Подавив её, они начали запирать свою жертву на весь день в подвал старого заброшенного дома, и пугать её, чтобы она кричала. Её истошный вопль доставлял им удовольствие. А один из самых жестоких подростков, Роман, который в свои шестнадцать уже состоял на учёте у полицейских, приволок откуда-то кусок острой проволоки с шипами и предложил связать её и посмотреть, что будет.

И они её не пожалели. Он и ещё несколько школьников (среди которых рядом была и Инга) туго перевязали её руки колючей проволокой... Потом он бил её, она помнила, как он бил её, – а дальше потеряла сознание. Видимо, они потом хотели и убить девушку, им ничего и не оставалось, ведь нужно было сделать так, чтобы об этом никто не узнал и чтобы им ничего за это не было. Но Веронике удалось позвать на помощь: случайно проходящая мимо заброшенного дома женщина услышала крик.

Их приговорили к исправительным работам в колонии. Только Веронике не стало легче. Не знала она, что со всем этим делать, и теперь. Она всегда носила это с собой, и эта сердечная рана, которая, в отличие от телесных ран, не затягивается и не заживает, не давала ей покоя. Никогда.

Иван Валерьевич все дни проводил на работе, были трудные времена и иначе им нечего было бы есть, – и особенно не мог увидеть никуда не уходящей раны. Которую девочка старательно прятала подальше от людей. Она слишком рано поняла, что доверять никому нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.